

Ауробиндо Гхош

В полночном безмолвье

В полночном безмолвье, в свете зари или полдня
Я слышал вечности флейты,
солнцекрылых видел серафимов.
В бескрайней пустынности гор,
в безбрежном волненье моря
Есть отблеск необъятности Бога,
легкие касания совершенства.
На миг, но безмерный улыбнулись чувства,
от своих избавясь пределов.
Краткий взгляд, намек, но душа с тех пор глубже, шире.
Бог отметил свое создание.

В порханье, паренье, полете бабочки или птицы,
В страстном крылатом крике в высоких кронах,
В золотом оперенье орла, в львиной гривастой и желтой
славе,
В тайнописной расцветке безгласных иерофантов
природы:
Орхидеи, тюльпана, нарцисса, розы, лилии, лотоса —
Отблеск вечной красоты трогает душу, сердечные струны.

Танец Космоса

(Танец Кришны, танец Кали)

Два ритма в танце космоса. Всегда
Нам Кали поступь быстрая слышна.
В ней боли и надежды череда,
В ней жизнь — игра, что сладостно страшна.
Миг Посвящения, что так жесток,
Герой, с которым Смерть сошлась грудь
в грудь,
Гимнасий, где с атлетом спорит Рок,
И жертва — к счастью одинокий путь,
Страдания, что к Тайнам путь торят,
Тропинка Истины сквозь сны Времен,
Из склепа Плоти для Души семь врат —
Все ритм ее включает испокон.
Но что же смеха звонкого не слышно
И в маске счастья не танцует Кришна?

Дитя весны

(На день рождения Васанти)

Ей имя — весна, за чей цвет и травы
Мы воспоем творца.

Весна, чья прелесть над ней витает,
Весна, чья сладость не покидает
Ее лица.

Да, нынче лето, в палящем свете
Долина и ручей.
Увяло все, поблекнув от зноя,
Но то, что исчезло, мелькнув весною, —
Как прежде, в ней.

А мы изумлены и печальны:
Она цветет и растет.
Ведь нам казалось, ей восхищенным,
Что может бутон оставаться бутоном
Из года в год.

И думаю я (хоть каждому лето
И осень суждены),
Что ее душа не растратит дара
Хранить в измененьях сладость и чары
Своей весны.

Дитя, чудесное предназначенье,
Тебе дано судьбой.
Так цветок со старым храмом в соседстве
Дает обаянье вечного детства
Земле седой.

В божьем саду огнистых и ярких
Цветов не перечесать.
Розы, тюльпаны, да, горделивей,
Но света столь нежные переливы
Где в мире есть?

Храни же весну под ливнем и солнцем
На долгом своем пути.
Сердца родных красотой услаждая
И нежный, счастливый долг исполняя —
Любимой быть и цвести.

Загадка человека

О человек — загадки нет темней
Сознанию — инстинкт дает закон,
Восторг — в науке горя обретен,
И в сердце с хаосом слит эмпирей.
Его незнание — мудрости мудрей,
Рассудок рассекает глубь времен,
Но по грязи плетется к чуду он,
Познав и плоти власть, и мощь идей.

Все силы обретают в нем оплот,
Стремясь достичь над миром торжества.
Он — то пигмей, то подлинно велик,
Игра природы, муки божества.
И полубог, и демон он, и скот,
Раб и творец судьбы в единый миг.

* * *

В непонятом не молкнет Божий зов.
И на полях судьбы, где мир уснул,
Шуршащего безмолвия покров
Лежит, сокрыв невысказанного гул.

Но задрожат лазурные врата,
И красота вблизи очам видна.
Коснулись рая руки и уста,
И неземная участь нам дана.

И в нас сияние из горней тьмы,
Та недостигнутая благодать,
И как наследье обретаем мы
Мир, чьей бескрайности не передать.

Немыслимое — новых дней намек,
А смерть сама — бессмертия залог.

Карликовый Наполеон

(Гитлер, октябрь 1939)

Фантазией нас поражает майя,
Неистовое чудо порождая.
Влилось в реальность все, что невозможно,
Магического жезла быстрый взмах —
И червь гигантом стал и плотью прах.
Землей овладевает сверхничтожный,
Как прежде исполин Наполеон,
Чей ум огромен был и окрылен,
В чьем сердце были шторм и штиль морей,
Чья воля быстрой хваткой всех сжимала,
Чье зрение миры обозревало,
Не упуская жалких мелочей.
Глубинный, титанический порыв
Он укротил, надеждой одарив.
Нет, этот — из материи другой,
Он — гном и занят низменной игрой,
Сошлись в его натуре сталь и грязь
И мистика и разум неглубокий
(Однако и коварный и жестокий),
Он — эгоист сентиментально-грубый,
Что прожил молодость, не веселясь,
Знал лишь надежд и ужаса приливы;
Нервнобольной, и буйный, и слезливый,
Ребенок, дьявол и последний скот,
Оратор, воющий, оскалив зубы,
Пророк дурной навязчивой идеи
На сцену вышел как прогресса вождь.
Ждет триумфальной арки эта мощь,
Чья тень от Альбиона до Кореи.
Мир держит он в руках, как зрелый плод,
Ступает — рассыпаются державы
И ждут народы в панике бессменной
Судьбы, летящей с губ, покрытых пеной.
Он карлик, но за ним стоит Титан,
Избрав его как инструмент расправы,
Титан, который свет и дух презрел.
Ценя лишь мощь бездумно-ловких тел,
И мыслит человека сделать пылью,
Чтоб мир стоял на стали и на силе,
Чудовищный осуществляет план,
Сминая разум и ломая волю,
Чтоб из тисков не вырывались боле.
Толпа стоит, призывами пьяна,
Но коль держава тьмы всем суждена,
Не избежать ужасного исхода.
Тогда инстинкт вернет былые лавры
И человек — сознание Природы —
Падет в глубокий первородный мрак,
Существование окончив так,

Как прежде мамонты и динозавры.
Чернее ночи виснет тень одежд Титана
Над всей землею, страхом обуянной.
...А он не спит и смотрит в сумрак серый,
Пока о том, что делать каждый час,
Ему не прогремит верховный Глас,
Внезапный, резкий, как прыжок пантеры.
Однако слишком он земной и хилый,
Чтоб содержать в себе всю злую силу,
Творящую и мысль его, и крик.
Он не сосуд ее — лишь проводник.
Звероподобен и непобедим,
Он все захватывает, ей гоним,
Доколь не встретит на пути своем
Сильнее дьявола иль Божий гром.

Раздумья Мандавыи

(Фрагменты)

* * *

О радость исполнения желаний!
О радость поражений и утрат!
О сердце, возвышающее мир!
О сердце, что его впивает муку,
Над ним склоняюсь! Любовь, люблю тебя
И обнаженной и в ужасной маске,
Люблю не только тешащую сердце,
Но и на части рвущую его.
Люблю твое вниманье к всякой твари,
Люблю за радость, что живет в вещах,
Еще люблю — за все страданья наши.
Тебе не возражу и не скажу,
Что нет тебя. Питаема усладой,
Легка любовь. Но любит только тот,
Кто и в мученьях продолжает ласки.

* * *

Багровогрудый, бирюзовокрылый,
Ты, выпорхнув из-за огады сада,
Явился мне; чуть посидел на ветке
И улетел, мое оставив сердце,
В экстазе. Будто молвил: «Я пришел,
Чтоб ты увидел красоту мою,
И ухожу, ведь ты познал Любовь».
И вечно так: поманишь и исчезнешь,
Но наши вслед тебе летят сердца.

* * *

Когда я вышел ночью на террасу,
Явился он, меня ужалив в ногу.
Слиянием влюбленных насладились
Моя душа. Тут мысль о скорпионе
Мелькнула. Но душа, запомнив счастье,
Отвергла разум, и, объятый болью,
Я ублаготворенно засмеялся.

* * *

Все, все достигнуто! И боль мертва.
О ты, экстаз, что в логове своем
От сотворенья мира ждал меня.
О хищник, рвущий душу мне так сладко,
О ты, неистово-прекрасный Боже!
Жестоко-чудный! Милостиво-жгучий!
О ночь, когда услада бесконечна
В твоих объятиях! О ужас ласк!
История, приемлю пот и кровь
И то, что стерло их! Ведь цель творенья
Себя отдать за исступленный миг

Явленья затаившегося Бога.
Пусть весь мир придет теперь к концу:
Его предназначенье свершено,
И я тобою, Боже, поглощен.

* * *

Теперь я верю, что возможно тучи
Согнать с небес, утихомирить гром,
На молнии надеть узду. Однако
Мы верой подчинить должны сперва
Того, кто склонен быть покорным, кто
Своими скован слугами, погряз
У всех соблазнов и капризов в рабстве.
Да, силу любит человек, но силу,
Что не перешагнет за свой предел.
А для чего предел? И почему
Не смеем мы отдаться целиком
Безмерной мощи? Надо рисковать:
Ведь если гибели не избежим,
Бессмертья и всемогущества достигнем.
Ведь ни моря, ни даже океан,
Который поднят штормом на дыбы,
Нам не пример. И сам небесный свод —
Не настоящий образ человека,
Чей космос разумом неизмерим.
Есть что-то в нас, что наугад плывет,
Не опасаясь запредельной ночи,
За чувств рубеж. Душа нагая сможет
К бесформенной причалить пустоте,
Где никого нет, кроме нас, и там
Остаться. Но смирится ли с пределом
Тот, кто не зверь, не глина, не трава?
Быть совершенным, превзойти пределы,
Мир чувствовать игрушкой меж ладоней...
Один лишь раз почувствовав поток
Гигантской силы, движущей мирами.
Познал я, что рассвет придет в тот час,
Как человек, в земле играть окончив,
Подыметесь и, взяв светила в руки,
Свой прежний дух и облик воссоздаст.
Боль и разлад тогда оставят мир,
И мертвая пустыня примет розу
И лепет ручьевой. И человек
Предстанет подлинным подобьем Бога.

* * *

Нет, я не болен, Боже. Это — жажда.
Раз жажда есть, то где-то есть вода.
Но в этой жизни не всегда мы можем
Ее найти. Ведь на пути сидит
Фантом былых сомнений и страстей.
Но есть ли жизнь еще, что нас насытит?
Я жду ответа, Господи, я жду!

* * *

Что есть Любовь, не найденная мною?
Я Бога в небесах вообразил,
Его я видел в колыханье листьев,
Его слышал в журчании ручья,
Его страшился в быстрых бивнях молний,
Его мне не хватало в ночь немую,
И Он будил меня с зарею новой.
Я говорю теперь, что нет Его,
Лишь Пустота, что немо изрыгает
Бесчисленных личинок в пустоту,
Которая ее несчастней даже,
Поскольку чувствует. И коль правдив
Сей сон, где исполинская игрушка,
Зовущая миром, все кружится,
Кружится и кричит, кровоточа,
Живя в колесовании извечном, —
Тогда каким кощунственным прозванием
Нам лучше оскорбить тирана Бога.
Пусть это слово все найдут и ввысь
Взметнут единым криком, может быть,
Он рухнет от такого отрицанья,
И мир несчастий ожидает счастье,
Ведь где в созвездьях этих знак Любви?
А та, что представляется Любовью,
Личину скоро снимет, ведь ее
Сюда послали умножать страданья.
Нет, не Любовь, а Смерть, чей лик под маской,
Смерть, глядящая ласково добычу
Пред тем, как проглотить ее и взяться
За новую. Вот зверский образ мира.